

ИСТОРИЯ, НАРОДНОСТЬ, ПОЛИТИКА И ВОЙНА.

Бесѣды военнаго на современныя темы.

(Продолженіе) ¹⁾.

Современный историкъ и очевидецъ, Эней Сильвій рассказываетъ, что «приближаясь къ непріятелю, гуситы перестраивались въ нѣсколько колоннъ, имѣя пѣхоту въ серединѣ, а конницу снаружи. По данному знаку вождя, они вдругъ, съ неимовѣрной быстротой обхватывали, цѣлыми линіями сомкнутыхъ боевыхъ повозокъ, какую либо часть непріятельскаго войска, послѣ чего также быстро смыкались. Запертыя такимъ образомъ части непріятеля быстро были перебиты гуситами, такъ какъ остальная часть непріятеля выручить ихъ не могла. Всѣ нападенія снаружи, на гуситскія линіи легко были отбиты, такъ какъ войска Жижки сражались стоя на приспособленныхъ для сего боевыхъ повозкахъ, какъ будто изъ за стѣнъ крѣпости. Такъ гуситы часто побѣждали многочисленныхъ противниковъ,—ибо сосѣдніе съ ними народы были не знакомы съ подобнымъ способомъ войны». Оригинальною этой тактикою могутъ быть объяснены также и единственные въ своемъ родѣ, всегда удачныя, набѣги гуситовъ на сосѣднія страны и на такія дальнія разстоянія, какъ напр. въ сѣверную Германію, вплоть до Балтійскаго моря; въ Баварію, Вен-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», 1914 г., № 6.

грію, приче́мъ не разъ они были окружаемы превосходными силами непріятеля и, несмотря на отчаянныя его нападенія и продолжительное преслѣдованіе, возвращались въ Чехію безъ особенныхъ потерь и съ богатѣйшею добычею, опустошивъ цѣлыя края.

Особенно интересенъ извѣстный набѣгъ Жижки черезъ Моравію; вглубь сѣверной, гористой части Венгріи въ 1424 году. Венгерцы сами хотѣли его заманить въ свои горы, чтобы тѣмъ вѣрнѣе потомъ его уничтожить, если не силой, то голодомъ. Послѣ того, какъ Жижка досыта натѣшился опустошеніемъ этого края, ему въ теченіе шести дней пришлось отступать съ своимъ «таборомъ» (такъ называли гуситы боевой свой строй) изъ нѣсколькихъ сотъ боевыхъ повозокъ, съ множествомъ артилеріи, среди окружившаго его со всѣхъ сторонъ непріятеля, переправляясь черезъ рѣки и проходя высокія горы (Карпаты) и тѣсины. Жижкинъ таборъ двигался 4-мя колоннами, отбивая безчисленныя атаки венгерцевъ, отступившихъ, въ концѣ концовъ, съ громаднымъ урономъ. Подробное описаніе этого набѣга сохранилось въ рукописи Бразидынова (1619 г.), гдѣ встрѣчается слѣдующій отзывъ о Жижкѣ: «это былъ не человекъ, а дьяволъ, котораго одолѣть никто не могъ». Называя этотъ подвигъ лучшимъ примѣромъ военной доблести, авторъ добавляетъ, что «съ тѣхъ поръ, какъ Жижка воевать началъ, это несомнѣнно было самымъ труднымъ его дѣломъ».

Объ ожесточенности этой войны свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что и нѣмцы, съ своей стороны, когда имъ случалось вторгаться въ Чехію, беспощадно убивали, не только плѣнныхъ и раненыхъ въ бою, но и всѣхъ мирныхъ жителей чешской національности, какихъ только повстрѣчали, безъ различія пола и возраста, или же ихъ живыми бросали въ огонь, поджигая чешскія села. Такъ напр. «Нюрнбергскіе господа» (т.-е. крестоносцы изъ Баваріи), въ своемъ письмѣ отъ 12-го сентября 1421 г. доносили: «Item das volk, was nicht dewtsch kan oder einem Beheim gleich ist, das werde gefangen, zu tod geslagen und verprant» (каждый, кто не знаетъ по нѣмецки, или кто на чеха похожъ, будетъ взятъ, убитъ и сожженъ).

О количествѣ крестоносцевъ историки даютъ противорѣчивыя свѣдѣнія, во всякомъ случаѣ въ каждомъ изъ этихъ походовъ участвовало отъ 150 до 200—300 тысячъ человекъ. Такъ, напр., во 2-мъ походѣ 1421 г. принимали личное участіе, съ своими войсками: кардиналъ Бранда, курфюрсты Кѣльнскій и Трирскій, Фальцграфъ Рейнскій, герцогъ Саксонскій, маркграфъ Бранденбургскій, архіепископъ Магдебургскій, графъ Шварцбургскій,

епископъ Лютихскій и другихъ князей и владѣтельныхъ особъ свыше ста, со всѣхъ концовъ Римской имперіи и Нидерландовъ; были даже отряды изъ Англіи, Франціи, Испаніи».

Гуситская же армія, превосходно вышколенная, во время пятого похода крестоносцевъ состояла, по свѣдѣніямъ чешскихъ историковъ, изъ 5.000 ч. конныхъ, 50—60 тысячъ пѣшихъ, 3.000 боевыхъ повозокъ и сильной артилеріи. Таковыми приблизительно силами чехи располагали въ теченіе всей войны,—противъ далеко превосходившаго ихъ числомъ противника.

Невольно напрашивается вопросъ: если потомство сохранило столь лестную память о битвѣ подъ Грюнвальдомъ, почему же оно забыло о двѣнадцатилѣтней, не менѣ славной и полной значенія для славянъ, кровопролитной борьбѣ чеховъ съ Германіею и Римомъ?

Объ отношеніяхъ гуситизма къ Восточной церкви свидѣтельствуесть, прежде всего, поѣздка, еще при жизни Гуса, магистра Еронима Пражскаго, выдающагося гуситскаго ученаго и оратора, послѣ его возвращенія изъ Франціи, Германіи, Австріи и Венгрии,—въ Польшу, на Литву и на Русь, въ интересахъ церковныхъ. По словамъ Альбрехта, епископа Краковскаго, «Іеронимъ въ теченіе нѣсколькихъ дней своего пребыванія въ Краковѣ, до того взволновалъ умы духовенства и придворныхъ, что неотразимое его вліяніе вызвало изумленіе современниковъ». Проводивъ затѣмъ великаго князя Литовскаго Витовта на Литву и на Русь, Іеронимъ навлекъ на себя гнѣвъ монаховъ ордена Миноритовъ, въ Витебскѣ, которымъ объявилъ, что православныхъ русскихъ онъ почитаетъ хорошими христіанами; онъ посѣщалъ ихъ церкви и соблюдалъ ихъ обряды. Точно также онъ поступилъ и въ Псковѣ, несмотря на угрозы Виленскаго католическаго епископа. Существуетъ предположеніе, что великій князь Витовтъ совѣщался съ Іеронимомъ о взаимныхъ отношеніяхъ и соединеніи обѣихъ церквей.

Когда, послѣ долголѣтней, побѣдоносной борьбы чеховъ съ западной Европой, новый церковный соборъ въ г. Базелѣ, наконецъ, косвенно снялъ обвиненіе въ ереси съ ученія Гуса (признавъ его терпимымъ, но продолжая на дѣлѣ относиться къ гуситамъ враждебно), то чешская столь изолированная и неустроенная церковь вновь стала искать опоры въ православіи, ибо было слишкомъ очевидно, что несмотря на свое примиреніе съ чехами, католическій міръ терпѣлъ гуситизмъ лишь по необходимости, не будучи въ состояніи покорить чеховъ силою оружія. Окрестные же народы, а въ особенности нѣмцы, продолжали считать чеховъ еретиками и,

по мѣрѣ того, какъ время уничтожало воспоминанія о чешскихъ побѣдахъ, прежній страхъ передъ гуситами превратился въ рѣзкую ненависть. Въ столь трудномъ положеніи, большинство благочестивыхъ утраквистовъ чешскихъ (названныхъ такъ въ виду причащенія у нихъ мірянъ подѣ обоими видами) рѣшило не искать болѣе милости у папы, а обратиться въ Константинополь, съ цѣлью присоединенія къ Восточной церкви, ходатайствуя о высылкѣ православныхъ епископовъ, такъ какъ объ утвержденіи собственныхъ епископовъ они тщетно хлопотали въ Римѣ.

Базельскій соборъ обсуждалъ, между прочимъ и вопросъ о соединеніи церквей, причемъ католическіе ораторы, во время преній, сравнили чеховъ съ православными; представители же греческой церкви признали подобное сравненіе неправильнымъ; но послѣ заключенія (6-го іюля 1439 г.) знаменитой Флорентійской уніи (т.-е. попытки объединенія католицизма съ православіемъ), греки, тѣснимые въ Константинополь турками, а на западѣ Римомъ, перемѣнили свое мнѣніе о чехахъ и сами искали сближенія съ ними.

Первая инициатива въ дѣлѣ присоединенія умѣренныхъ гуситовъ къ православію исходила изъ утраквистической консисторіи, находившейся въ пражскомъ «Славянскомъ монастырѣ», основанномъ сто лѣтъ передъ тѣмъ, съ цѣлью соединенія же церквей. Администраторомъ консисторіи въ свое время былъ личный другъ Гуса, о. Петръ Младеновиць, выдающійся членъ посольства, высланнаго чехами въ 1447 г. въ Римъ съ цѣлью исходатайствованія утвержденія въ санѣ епископа, избраннаго гуситами о. Рокицаны, неугоднаго нѣмцамъ. Когда по настоянію императора папа отказался уважить это ходатайство, Младеновиць отъ имени чеховъ заявилъ, что «чехи хотѣли бы оставаться въ единеніи съ Римомъ, но, не получая такого пастыря, какой имъ нуженъ, они невольно должны отдѣлиться отъ Рима». Папскому же легату, высланному къ чехамъ въ 1448 г., онъ заявилъ прямо: «если за нами не будетъ утверждена чаша (т.-е. причастіе подѣ обоими видами) и Рокицана, то прежде, чѣмъ успѣете возвратиться въ Римъ, услышите о насъ неожиданныя вѣсти».

Упомянутый выше «Славянскій монастырь» въ г. Прагѣ служилъ хранилищемъ многихъ памятниковъ восточнаго обряда. Самая драгоценная его святыня, остатокъ чешскаго православія, это книга св. Евангелія, написанная на древне-славянскомъ языкѣ, кириллицею, св. Прокофіемъ, первымъ игуменомъ Сазавскимъ (+ 1053 г., «Сазаво-Эмаусское Святое Благовѣствованіе»), богато украшенная золотомъ, драгоценными камнями и снабженная

мощами святыхъ, книга эта была отправлена, вмѣстѣ съ посольствомъ, ходатайствовавшимъ о принятіи чеховъ въ православіе, какъ рѣдкій даръ, Византійскому императору, въ Константинополь, откуда, въ силу страннаго стеченія обстоятельствъ, она въ послѣдствіи была вывезена во Францію. Здѣсь она, въ качествѣ, «*texte du sacre*», была причислена къ государственнымъ клейнодамъ Франціи и считалась одной изъ главныхъ драгоценностей. Это именно то Евангеліе, на которомъ короли Франціи, во время своего вѣнчанія на царство, давали обычную присягу ²⁾).

Въ 1452 г. возвратилось изъ Константинополя въ г. Прагу посольство, высланное туда съ ученымъ о. Константиномъ Ангеликомъ въ челѣ, съ указомъ отъ Восточной греческой церкви, помѣченнымъ 18-го января 1452 г., которымъ чехамъ предлагалось присоединиться къ Восточной церкви. Указъ былъ слѣдующаго содержания: «Освѣдомленная объ успѣхахъ чеховъ въ вѣрѣ, святая церковь Константинопольская напоминаетъ имъ, соединиться съ Восточной церковью, но не на основаніяхъ, высказанныхъ въ Флоренціи, такъ какъ Флорентинскую унію можно назвать скорѣе отступничествомъ, а на основаніи Символа Вѣры. Представители Восточной церкви не сомнѣваются, что чехи, воспротивившіеся новизнамъ римскимъ, при помощи Священнаго Писанія, прійдутъ къ полному во всемъ соглашенію съ Восточной церковью, убѣдившеюся въ этомъ изъ подробнаго допроса чешскаго представителя, Константина Ангелика». Въ заключеніе высказывается готовность, выслать въ Чехію священниковъ и епископовъ, а равно сохранить мѣстные обычаи и обряды, насколько они не противорѣчатъ Восточной церкви. Указъ былъ подписанъ, отъ имени греческой церкви, тремя митрополитами: Макаріемъ Никомедійскимъ, Игнатіемъ Тырновскимъ (Болгарскимъ) и Іосифомъ Филиппопольскимъ, далѣе тремя учеными: Сильверстомъ Сыропуліемъ, Феодоромъ Агалліанскимъ и (бывшимъ на Флорентійскомъ соборѣ) Геннадіемъ, впоследствии патріархомъ, первымъ послѣ паденія Константинополя.

На этотъ указъ, отъ имени утравкистской консисторіи въ Прагѣ, послѣдовалъ отвѣтъ отъ 29-го сентября того же 1452 г., адресованный императору Константину Палеологу и патріарху Геннадію всея церкви греческой: чехи благодарили Господа, про-

²⁾ Позволительно выразить, кстати, мысль: если эта столь древняя святыня православія, драгоценная не только для Франціи, но еще болѣе для славянства, до сего времени хранится еще въ Парижѣ, то не могла ли бы быть таковая возвращена въ центръ православія и славянства, — т.-е. въ Россію? *Авторъ.*

свѣтившаго ихъ сердца Своею милостью, чтобы возвратиться въ лоно церкви православной. Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе, что посланный консисторіею о. Константинъ имѣетъ секретное порученіе: подробно доложить о всѣхъ нуждахъ и желаніяхъ чеховъ, каковыя они просятъ принять милостиво.

Однако, переговоры эти не могли быть доведены до успѣшнаго окончанія уже потому, что въ іюнѣ 1452 г. началась послѣдняя, неблагополучная война византійской имперіи съ турками, окончившаяся паденіемъ Константинополя 29-го мая 1453 г. При томъ обѣ стороны были еще далеко не во всемъ согласны между собою и, еще до окончанія этихъ переговоровъ, въ томъ же году, выдающійся гуситскій вельможа, Георгій Подибрадь былъ избранъ правителемъ и затѣмъ и королемъ Чехіи, а это избраніе вновь придало чехамъ нѣкоторыя надежды на уступки съ римской стороны.

По окончаніи гуситскихъ войнъ фанатизмъ народный притихъ въ опустошенной странѣ, между тѣмъ какъ католичество и сопутствовавшій ему всегда принципъ германизма вновь воспрянули въ Чехіи. Преслѣдованіе утраквистовъ со временемъ росло. Эти гоненія уже около 1460 г. вызвали появленіе новой секты, извѣстной въ послѣдствіи подъ названіемъ «Общины чешско-моравскихъ братьевъ».

Уже въ ученіи Петра Хельчицкаго (1390—1460) замѣтно было отклоненіе чешской реформаціи отъ прежняго направленія: этотъ новый ревнитель вѣры сталъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергать всякое насиліе и сопротивленіе злу и даже право самозащиты съ употребленіемъ силы. Какъ никто до него, онъ осудилъ войну и обвинилъ императорскую и папскую власть въ томъ, что все касающееся церкви и религіи, они подчиняютъ цѣлямъ небожественнымъ и превращаютъ упадающее христіанство въ язычество. Онъ училъ, что христіанство есть начало сознательнаго стремленія духа къ добру, безъ понужденія, въ противоположность язычеству, источникомъ котораго есть одно тѣло, безпокойное и исполненное зла, которое невольно должно быть понуждаемо къ порядку, для обезпеченія челоуѣчеству внѣшняго благополучія. Сюда онъ относилъ и свѣтскую власть, которая была въ состояніи отнять жизнь, но не была въ силахъ направить волю челоуѣчества. По мнѣнію Хельчицкаго, свѣтская власть есть неизбѣжное зло, необходимое для борьбы со зломъ же, между тѣмъ, какъ истинные христіане въ этой власти не нуждаются, подобно язычникамъ?

Эти идеалы и въ особенности св. евангеліе (Мат. г. 5) легли въ основу ученія «Общины богемскихъ и моравскихъ братьевъ». Рыцари

и дворяне, поступившіе въ общину, предварительно должны были отказаться отъ дворянства и отъ воинскаго званія. Многочисленные послѣдователи этого ученія, до того рѣшительно выступили противъ свѣтской власти, что даже Георгій Подибрадъ, этотъ гуситскій государь, вынужденъ былъ принять противъ нихъ строгія мѣры.

Въ 1491 г. рыцарь Марешъ Коковецъ, отъ имени церкви Чешскихъ братьевъ, вновь вступилъ въ переговоры съ православной. русскою церковью, о присоединеніи къ ней братьевъ, но успѣха не имѣлъ. Къ Чешской общинѣ присоединялось такъ много разнородныхъ элементовъ всѣхъ возможныхъ сословій, ученыхъ и неученыхъ, что скоро въ общинѣ возникли раздоры. Начиная же съ 1495 г., община отказалась отъ строгаго непризнаванія власти и стала на точку зрѣнія библейскаго протестантизма; этому примѣру позже послѣдовали и нѣмецкіе реформаторы. Около 1500 г. не было въ Богеміи и Моравіи ни города, ни села, гдѣ община не имѣла бы своихъ представителей. Въ 1504 г. въ Богемію прибылъ сидонскій епископъ Филиппъ, который, несмотря на распоряженіе папы о его арестованіи, посвящалъ новыхъ священниковъ и причащалъ мірянъ по восточному обряду. Съ 1507 г. преслѣдованіе Чешскихъ братьевъ приняло особенно острую форму, и съ 1509 г. они могли совершать богослуженія лишь скрытно.

Начиная съ 1519 г., замѣчалось въ Богеміи новое броженіе, по поводу распущенности и порочности, какъ католическаго, такъ и утраквистскаго духовенства. Болѣе всего поджигалъ народъ монахъ общины Чешскихъ братьевъ Маоія, пустынникъ. Слѣдуя его примѣру, многіе изъ чешскихъ братьевъ стали обнаруживать явное расположеніе къ новому ученію Мартина Лютера, быстро распространявшемуся изъ Виттенбергскаго университета на сосѣднія страны. Нѣкоторые профессора Пражскаго университета и братскіе священники преподнесли Лютеру часть сочиненій Гуса, которыя Лютеръ изучалъ съ увлеченіемъ. Дошло до того, что противники Лютера съ презрѣніемъ называли его «чехомъ» и «гуситомъ». Тогда Лютеръ въ отчаяніи воскликнулъ: «на самомъ дѣлѣ, и я, и св. Павелъ, и св. Августинъ, всѣ мы, не замѣчая этого, стоимъ добрыми гуситами. Не знаю, что и думать, видя такой судъ Божій на людяхъ, которые сто лѣтъ тому назадъ, проповѣдывали евангельскую истину, а за нее были прокляты и сожжены; истину же эту исповѣдывать нельзя. Горе намъ!»³⁾

По мѣрѣ того, какъ лютеранство распространялось преимущественно среди немецкаго населенія Богеміи, утраквисты все болѣе

³⁾ De Wett—D-r Martin Luther's Briefe.

склонялись опять въ сторону Рима. Лютеранство внесло полное замѣшательство во всѣ некаatholicескія партіи, какъ свѣтскія, такъ и въ склонныя къ лютеранству круги уtrakвистскаго и чешско-братскаго духовенства. Даже и среди простонародія, въ корчмахъ, начались споры и раздоры. Заявленіе Лютера о томъ, что и онъ гусить, доставило ему много симпатій среди уtrakвистовъ и, когда въ Богемію прибылъ посланный сюда Лютеромъ, Томашъ Мюнцеръ (впослѣдствіи основатель секты анабаптистовъ), то успѣхъ лютеранства, въ особенности среди дворянства, былъ еще значительнѣе. И хотя Пражскій съѣздъ уtrakвистскаго синода въ 1521 г. вполнѣ выяснилъ разницу между вѣроисповѣданіями: уtrakвистскимъ, чешско-братскимъ и лютеранскимъ, но смущеніе среди народа росло.

Между Лютеромъ и чешскими братьями начались переговоры о соединеніи обѣихъ конфессій, съ каковою цѣлью обѣ стороны написали цѣлыя теологическія сочиненія. Но, ученіе Чешскихъ братьевъ, основанное на трактатахъ таборитовъ и на ученіи Хельчицкаго, по которымъ Чешскіе братья не признавали спасительнаго дѣйствія вѣры самой по себѣ, безъ соответственныхъ дѣлъ, не понравилось Лютеру, въ ученіи котораго преобладалъ одинъ только умъ, отвергавшій чувство и воображеніе: Чешскіе же братья никакъ не могли отрѣшиться именно отъ чувства и картинныхъ обрядовъ библейскихъ, съ примѣсю мистицизма.

Я. Чербинка.

(Продолженіе слѣдуетъ).

